

между собой не массы простых людей, а те, кто их гонит на войну — высшие власти, их правительства. А уж раз война идёт, то призванные солдаты проявляют геройство и выносят все страдания, тяготы, ранения и смерть.

Помню, сколько было слёз, сколько горя проявляла вся семья очень близкого мне Петра Кадюка, всегда дававшего мне налаженную косу, чтобы я мог научиться косить, — когда после неудачной «первой Плевны» была мобилизация ополченцев. Исключительный добряк и семьянин Петро, взятый в ополчение, был в маршевой роте направлен в Архангелогородский полк, участвовавший в штурмах Плевны. Я навещал семью Петра, видел все тревоги и оплакивания Петра, о котором долгие месяцы не было вестей.

Точно это сейчас происходит, вспоминаю я приготовления в липовом большом старом парке Алексеевщины, выходившем на дорогу из Тополей в Козелец, к встрече Архангелогородского полка, возвращавшегося с войны в свои козелецкие казармы. Вдоль дороги устанавливались столы с угощением. Между липами натягивались полотнища с приветствиями, ставились скамьи, делались навесы. Мы с братом Сергеем непрерывно бежали, чтобы смотреть за этими приготовлениями. Из города, из соседних сёл, из Слободки собрались толпы народа. Вот издали донеслись слабые звуки военного оркестра. Затем показались на лошадях командиры. Их встретили хлебом-солью и просили дать роздых полку в липовом парке и разрешить угостить солдат. Был жаркий летний день. В полной походной форме, среди густых облаков пыли и сами с головы до ног покрытые пылью, шли солдаты. Батальон за батальоном, рота за ротой, с ружьями на плечах; фельдфебели с шашками и офицеры на лошадях отводили роты на подготовленные для них места. Гремел оркестр, неслись отовсюду крики «ура!». Встречающие несли угощение — связки баранок, бубликов, пампушки, молоко. Солдаты ставили ружья в козлы...

Сколько интереса и удовольствия было нам пощупать и приклады, и штыки! Наконец, после рот пошёл обоз, подъехали кухни. Неизъяснимою радостью была встреча с Петром Кадюком. Он оброс бородою, на погонах красовались нашивки. Он был цел и невредим, надеялся на скорое увольнение со службы. Но вот заиграли горнисты, и под барабанный бой солдаты привели себя в походный вид — со свёрнутыми шинелями через плечо и с ранцами за спиной. Быстро разобрали ружья. Заиграл оркестр, и полк потянулся к дороге и гребле (насыпи, плотине), ведущей к Козельцу. Скоро в Алексеевщинском «липняке» всё опустело, и только кое-где сбежавшиеся неизвестно откуда собаки подбирали объедки.

Два года в народной городской школе в Козельце

В связной и отчётливой последовательности у меня в памяти не сохранился ход событий от момента окончания войны до поступления осенью 1879 г. вместе с братом Сергеем в Козелецкое городское училище в третью группу, соответствующую третьему году обучения. Упомяну лишь об одном вос-

поминании — о приезде однажды весною вечером с тяжёлым чемоданом «дяди Абраши». Позднее, через несколько лет после удачного побега, он в заграничных революционных кружках был известен под именем Алексея Николаевича Баха¹, как автор известной брошюры о начатках политической экономии и как учёный, специалист по химии азотных соединений. В тот же свой приезд он был длинноволосым студентом Киевского университета с жиденькими баками, почему-то врезавшимися мне в память. Очевидно, отец был убеждён, что мы уже спим, когда он вёл с Абрашей разговор о привезённом им чемодане. Но я слышал их разговор и совершенно правильно отдавал себе отчёт о его сущности и содержании. В чемодане была спешно увезённая из Киева подпольная типография, которую надлежало незаметно «захоронить». Ничего удивительного нет в том, что, проснувшись на рассвете, я вышел, направляясь в липняк, и в стороне от дороги увидел, как отец и приехавший студент старательно закрывали дёрном засыпанную землёй яму, в которой, очевидно, и была схоронена типография.

Много лет спустя я повидался с бывшим двадцатилетним студентом Бахом, всегда представлявшимся мне типичным студентом 70-х годов. Но в 1923 г. Алексей Николаевич выглядел стариком, ему было уже 66 лет, а мне — 54. При советской власти он вернулся из Швейцарии и руководил созданным им научно-исследовательским физико-химическим институтом.

Два или три года, связанные с учёбой в Козелецком городском училище, всегда были и остаются лучшим, самым заманчивым периодом жизни, периодом полного и цельного упоения самим процессом роста сознания, обогащения знаниями и полного отсутствия разъедающего, угнетающего и принижающего неверия в свои силы. Это была пора полной свободы от мучительных мыслей о неправильном, непроизводительном применении сил и способностей, пора отсутствия ощущения пустоты, бесцельности жизни.

Как-то сразу и без шероховатостей мы вошли в жизнь класса. Со всеми учениками завязалась самая тёплая дружба. Две-три версты от Алексеевщины до училища мы с братом проходили пешком. Учились мы оба в одной группе, хотя Сергей и был старше меня почти на два года. Мы чувствовали себя тесно спаянными единством. По дороге через Слободку к нам присоединялись другие ученики из нашей группы. Идя через греблю, на которой всякий раз работали две из семи стоявших там мельниц, мы подолгу глядели, как низвергается и потом бежит по широкому лотку вода и ударяет в лопатки колеса, вращая его, а затем с плеском и шумом низвергается в реку быстронесущимся пенистым потоком. Мы забегали внутрь мельницы и, не отрывая глаз, следили, как мощный дубовый вал, на котором было укреплено водяное колесо, передавал своё движение зубчатой передачей вертикальной оси, конец которой вделан в окованный железом мощный жернов, раздавливающий и растирающий в муку поступающие под него зёрна. Смотришь на одну сторону плотины — там до самой Алексеевщины на целые вёрсты тянется поросшая ситником, а вдали сплошь заросшая густым очеретом запруда, гребля. Весной она под постоянной угрозой про-

¹ Об А. Н. Бахе и влиянии его на старшего брата Захария Григорьевича — Якова см.: Приложение № 1.

рыва весенними водами. В разных местах по гребле и по дальним берегам запруды, склоняясь над тихо застывшей в полном покое водой, стоят дуплистые вербы и осоки. Над запрудой проносились дикие утки, гудел водяной «бугай» — выпь. А по другую сторону плотины — сочный зелёный луг или заросшее осокой ровное болото. Чуть возвышается оно над водой прорезывающего его стремительного, бурлящего потока, вырывающегося из-под шумно ревущих мельничных колёс. По берегам запруды были заросли ивняка и лозы. Там мы находили иногда свисающие над водою гнёзда ремеза. Изумление и восхищение вызывало строительное мастерство этих птичек, так искусно и тонко сделаны их гнёзда. Неисчерпаемо разнообразна была чудесная по красоте и причудливости форм прибрежная растительность — стрелочники и трёхлистники, а на воде белые и жёлтые кувшинки, султаны рогозы. По пению, пisku и другим звукам мы умели различать и очеретянку, и дергача, и разные виды куличков и синиц.

А осенью, когда на «ставу», в конце ноября и в декабре, вода между ситником и над глубокими вырами покрывалась толстым, прочным и как стекло чистым и прозрачным льдом, мы, сокращая путь в школу, шли прямо по льду. Сколько удовольствия было высмотреть стоящую подо льдом, где-нибудь между ситниками уснувшую щуку, большую, как полено. Мы замечали это место и после школы находили его, опять высматривали щуку и оглушали её сильным ударом обуха по льду. Надо было успеть затем прорубить лёд, чтобы захватить щуку раньше, чем она оправится от контузии.

В школе всё мог разъяснить учитель — Никифор Иванович Лукьянович. Ровный, внимательный, серьёзный и даже несколько суровый на вид, он выслушивал наши вопросы и сообщал много замечательно интересного, как бы давая попутно объяснение по поводу обращённого к нему вопроса.

Ранней весной, когда не везде ещё растаял снег, Никифор Иванович давал задание отыскать первые весенние цветы, выкопать их с корнем и принести в школу для общего ознакомления с ними в классе. Подобрал трёх-четырёх товарищей, мы с Серёжей после занятий выискивали в липняке первые цветы: жёлтые звёздочки с луковичками в земле — гусиный лук, «сон» (*Anemone pulsatilla*). Позднее приносили мы ветреницы и курослеп, поручейники (*Geum rivale*) и др. Всё это Никифор Иванович раздавал в классе, заставлял срисовывать в целом виде, а потом отдельно корни, корневище, луковичку, стебель, листья, цветок, околоцветник, чашечку, лепестки, венчик, тычинки, пестик. Потом всё это в его объяснении оживало в одно целое растение. Каждое из них было очень похоже на другие растения того же вида, но с большим постоянством отличалось от растений других видов.

Как бы сами собой появлялись у нас вопросы: как, почему произошли различия, как эти различия закрепились, как распространяются растения? Кое-что Никифор Иванович объяснял, но чаще отвечал своими вопросами и заданиями. Много из того, что мы узнавали на уроках, казалось нам потом само собою понятным, давно известным. Эта атмосфера не пассивного восприятия, когда знания как галушки падают в раскрытый рот, а деятельного трудового поиска истины постоянно поддерживала какое-то бодрое, я бы сказал, воодушевлённое настроение на уроках. Всякое знание

нужно было черпать из наблюдений, повторных и подробных, и из сравнения различных наблюдений между собою. Можно было бы многие страницы заполнить рассказами о ходе уроков и о том, как расширялся кругозор учеников. В то же время росла любознательность, умственная инициатива и содружество в товарищеской работе.

«Теплота есть движение мельчайших частиц — молекул. При трении часть энергии, затрачиваемой на приведение в движение трущихся досок, переходит в тепло. Если тереть одну доску о другую, можно нагревание поднять до высоты, при которой дерево загорается». — Это было попутно сказано на уроке. И целая группа учеников остаётся после уроков. Во дворе школы отыскали сухие доски. Одну из них закрепили, а другую производим движения, как пилой. Ученики попарно сменяются. Сколько веселья, когда, наконец, появились сначала тонкие струйки дыма, а потом пошёл густой дым!

В первую зиму нашей учёбы в Козелецком училище отец служил в Алексеевщине, и вся семья жила там. Когда бывали сильные морозы и идти пешком в школу было трудно, нас с братом отвозили на санях по более короткой дороге через поросшее очерётом болото, примыкавшее к запруде реки Остра выше гребли. Морозы в ту зиму были лютые. Заботливая наша «маты» старалась закутать нас как можно теплее. Поверх нашей одежды одевалась отцовская шуба либо тулуп, который туго завязывался поясом, так что трудно было повернуться. На дровнях впереди садился возница, а мы не садились, а ложились в сани, да ещё нас прикрывали одеялом. Ухабы от снежных заносов на дороге были глубокие, и однажды при переезде через такой ухаб я был выброшен из саней. Хлопец-возница этого не заметил. Немалого труда стоило мне развязать пояс на шубе, освободиться от закутывавшего лицо и рот башлыка, чтобы начать кричать и попытаться броситься вдогонку. К счастью, брат заметил моё отсутствие и через несколько минут сани удалось повернуть и меня подобрали.

Когда в 1879 г. прекратилась служба отца в Алексеевщине, он взял в аренду небольшое хозяйство в лесничестве в Мостицах. И туда в 1880 г. переехала вся наша семья. Там среди вековых дубов на опушке леса стоял дом с соломенной крышей и подле него сарай и клуня. От Козельца до Мостиц было довольно далеко, вёрст семнадцать, и чтобы обеспечить для нас возможность продолжать учёбу в Козелецком училище, для нас с осени сняли в Козельце комнату, в которой с нами поселилась наша старшая сестра.

Старшая сестра Вера родилась в 1858 г. Основными чертами характера она походила на отца. Настойчивая, твёрдой и сильной воли, инициативная и исключительно трудолюбивая. Упорство в труде и способность отдаваться работе со страстью; любовь к разбивке, копанию, возделыванию грядок, клумб, к посадке кустов. От глубины души, от всего существа идущее презрение, отвращение к мещанству, к пошлости, к своекорыстию и мелочным условностям. Всю жизнь оставалась она непреклонной ригористкой с девственной чистотой. Недовольство убожеством окружающей жизни всегда горело в ней; ей присущи порывы к чему-то большому, высшему. Действенность и самостоятельность были главными её чертами.

В описываемый период Вере было уже 20 лет. На весь учебный год она заменила нам мать: заботилась о нашем питании, о содержании и отопле-

нии комнаты. Она очень сблизилась с хозяйкой дома и двумя её дочерьми, а также с одним учителем нашего училища — Петром Николаевичем Мизько, снимавшим у той же хозяйки одну комнату. Очень часто по вечерам Вера ходила с нами на прогулки далеко за город или в парк Покорщину. В свободные часы читала нам книги, которые её в то время занимали. Отчётливо сохранилось в памяти, как однажды рассказал я Никифору Ивановичу об очень заинтересовавшей меня книге, прочитанной нам сестрой. В ней говорилось о возникновении первобытной культуры, об орудиях каменного века, об открытии способа добывания огня путём трения, о приручении животных и о переходе от охотничьего к пастушескому, кочевому образу жизни... Не помню точно, что это была за книга, кажется перевод работы Дрепера, но хорошо помню, что она была полна рисунков орудий каменного века и других эпох, рисунков костей животных и описанием быта сохранившихся в Австралии первобытных племён. Никифор Иванович посоветовал перечитать книгу, главу за главой, и отчасти на его уроках, отчасти после уроков рассказывать ученикам о развитии первобытной культуры. По существу, это были мои первые доклады или, вернее, цикл докладов в кружке товарищей.

Для нас и, в частности, для меня, сестра сделала очень много. И живя с нами в Козельце, и позднее она беспощадно изобличала тех, у кого слово и политические взгляды расходились с делом. В эту категорию попадали и писатели, и подчас отец, а позднее — и я. Её работа народной учительницей на протяжении десятков лет давала ей большое удовлетворение. Моё последнее свидание с нею до революции состоялось в её школе в октябре 1917 г., а позднее в 1936 г. в Остре. Умерла Вера (а вслед за нею и жившая с нею сестра Соня) во время Отечественной войны, в оккупации, в 1942 г.

Во второй и третий год учёбы у Никифора Ивановича всех учеников особенно интересовали его уроки по географии. Прежде всего, он дал нам задание составить план классной комнаты, затем — школьного здания, всего школьного участка с нанесением на план всех строений, огорода и проч. Мы лентой измерили все стены, ограду, расстояния; определили величины углов пересечений, определили по устроенным во дворе школы солнечным часам направления и т. д. Потом задание было расширено: составить планы частей города, отдельных улиц и кварталов, берега реки Остра. При составлении плана квартала или улицы каждый должен был обойти пять-шесть домов, чтобы получить ответы на вопросы о числе жителей, их возрастном составе, занятиях и быте (откуда берут воду, получают жизненные припасы и пр.). Отдельные дома, кварталы, улицы объединялись на плане в общих подсчётах относительно населения, его занятий и получалось географическое описание, выведенное из наблюдений над населённым пунктом. После этого шли уроки о нашем уезде и губернии, а затем по географии всего нашего родного края. О встреченных при подробном ознакомлении с городом производственных предприятиях ученик делал детальное сообщение в классе. Брат мой подробно познакомился с винокуренным заводом в Алексеевщине. С помощью отца он составил не только планы завода и схемы процессов производства, но и сделал чертежи отдельных аппаратов. Никифор Иванович заставил его сделать несколько докладов в классе: о приготвлении солода, о бродильных чанах, перегонных аппаратах и пр.

Благодаря разбуженному Никифором Ивановичем интересу к естественному у нас развернулось соревнование и укрепились навыки собирания коллекций яиц, насекомых (особенно бабочек), камней и минералов, а также наиболее интересных гнёзд птиц — ремеза, иволги, зяблика и др. В связи с этим знания накапливались не по книжным описаниям, а из собственных наблюдений, на основе непосредственного, живого материала, варьирующегося и изменчивого и в то же время объединяемого в видовые и родовые понятия.

Сколько усилий и наблюдательности нужно было, чтобы найти среди куч камней на шоссе образцы гранита или кварца, полевого шпата и слюды, известняков и мела и выбить из мела молотком окаменелости — аммониты, белемниты и пр.! Какую радость доставляла находка гнезда редкой птицы! Так, например, в одном из отдалённых участков леса, в густой чаще на невысоком дереве мы увидели большое гнездо, из которого вылетел напуганный нашими криками крупный коршун, принятый нами сначала за орла. Взобравшись на дерево, брат мой сообщил, что в гнезде только одно яйцо. Мы обычно брали из гнезда только по одному яйцу при условии, что их было три или четыре, чтобы птица не заметила и не потеряла гнезда. Но тут дело шло о редкой породе вредного хищника, поэтому мы решили взять это яйцо. Как сейчас помню его особенности: не овальной, а почти правильной шарообразной формы, величиной поменьше куриного, тёмно-красного цвета, с чёрно-бурыми пятнами.

Собирание коллекций воспитывает и обостряет способность и привычку внимательно всматриваться в окружающую природу, чтобы найти новые, отсутствующие в коллекции виды и разновидности собираемых растений, насекомых или минералов. Всякая прогулка приобретает новый смысл. Развивается страсть к более отдалённым и трудным пешим прогулкам в новые места по берегам реки, в горы, степь.

Как много радостей от познания природы с её неисчерпаемыми красотами и неожиданными загадками, вызывающими неотступное желание их разгадать, понять и истолковать, связано было во все периоды детства, да и в более зрелые годы — в быстро пронесившиеся недели кратковременного летнего отдыха — с привычной страстью собирать, пополнять гербарии, коллекции минералов, геологических находок, насекомых. Особенно, пожалуй, бабочек!

Незабываемы часы вечерних сумерек, когда после сухого и жаркого летнего дня начинает веять свежестью ночи, трава и цветы покрываются росой и в лёгких движениях воздуха ощущаются ароматы жимолости, каприфоли или петуний... И вдруг, точно замирая над цветами, проносятся и реют крупные бражники: сиреневый, винный или молочайный. В виде какого-то непостижимого и необъяснимого события мне удалось однажды поймать залётного олеандрового бражника. Олеандры, листьями которого питаются гусеницы олеандрового бражника, поражающего своими размерами и причудливою красотой своей расцветки, растут лишь в Крыму или на Черноморском побережье Кавказа, в Болгарии. Значит, вывести олеандровый бражник мог лишь там. Как же мог донести его к нам на Украину стремительный полёт, за сотни километров? А ведь мы с братом достовер-

но поймали его в Нежине тёмным украинским вечером на цветах каприфоли. Или вот была мною поймана самка тополевого бражника. Проколов её булавкой, я прикрепил её на подоконнике. Она стала откладывать яйца на подложенный под неё лист бумаги. Как только я открыл форточку, один за другим начали влетать и садиться возле самки великолепные, достаточно редкие у нас тополевые бражники-самцы. Значит, самка либо испускает какой-то слышимый за сотни метров запах, либо издаёт чрезвычайно высокий, не воспринимаемый нами звук. Возникает невольное стремление искать объяснение этого явления.

Много-много раз мы ловили в ночное время самого крупного из всех водившихся в наших широтах жуков — рогача или жука-оленья. Подолгу жил он у нас в коробке, питаясь подслащённой водой. Когда его внимание привлекали какие-либо звуки, он настораживался, поднимаясь на первую пару ног и широко расставляя свои устрашающие огромные крепкие клешни. Стоило пустить к нему другого такого же вооруженного клешнями самца, как между ними завязывался бой. Нередко у обоих оказывались пробитыми насквозь жёсткие крылья, грудь и живот. Когда мы хотели засушить жука-оленья, а предварительно нужно было его умертвить, сделать это было очень трудно. Опущенный в банку с чистым алкоголем, он через день-два не обнаруживал признаков жизни. Но, посаженный на булавку в ящике, он оживал, вертелся и портил коллекцию. Как-то мы обратили внимание, что подле одного старого дуба, на котором нам удавалось ловить крупные экземпляры жука-рогача (*Lucanus cervus*) валялись совершенно целые мёртвые, хорошо засохшие экземпляры таких жуков. Поймав самку, мы пускали к ней в коробку самца. Он насакивал на неё, как петух на курицу. В отличие от других насекомых (жуков, стрекоз, бабочек) самец и самка не оставались связанными между собой. Просто самец через короткие промежутки времени насакивал на самку. Если мы оставляли их вместе, обычно через два-три часа крупный старый самец падал мёртвым. Самку мы выпускали на дуб, где она откладывала яйца и перезимовывала, зарываясь на дне дупла, до следующего года. Этот способ умерщвления жуков-рогачей любовною смертью нигде не описан, и мы в детстве знали его только благодаря изощрённой наблюдательности любителей-коллекционеров.

А переходящая в своего рода спорт привычка собирать гербарий, засушивать растения, определять собранные при каждой прогулке экземпляры, — разве не ведёт она к более тонкому и разностороннему умению воспринимать разнообразие форм, размеров и расцветок отдельных видов растений и их сообществ, их соседства с другими видами. Природа — луг и лес, обрывы реки и поляны оживают во всём своём богатстве оттенков благодаря наличию различных видов капорского чая или иван-да-марьи, кампанул или спиреи. А потом, очутившись в какой-нибудь отдалённой местности, куда забросит вас причудливая игра жизненных извилистых путей, попав на луг или в лес, — с каким радостным чувством находите вы старых своих знакомцев: то какой-либо поручейник, гравилат, луговую герань или простую розетку. И в памяти оживают и проносятся перед вами родные картины безмятежного детства, точно встретили на далёкой чужбине старого хорошего знакомого. Это такое же успокаивающее и ободряющее

чувство, какое, выйдя на улицу, испытываешь в тёмную звёздную ночь в совсем незнакомой стране, за тысячи километров от родины, где и людская речь чужая, и все здания какие-то непривычные, и даже общие виды местности новые, не свои; но взглянешь на небо — и сразу всё налаживается, точно к своим вернулся, ибо всё оказывается на месте: и Большая Медведица, и всегда в размеренном от неё расстоянии Северная Полярная Звезда, и вся Малая Медведица, и «Велесожар» (Плеяды); и все созвездия те же, что и дома, на родине: и Капелла, и Лебедь, и Вега, Денеб и Альтаир, и Арктурус, и сверкающий Сириус.

В мае 1880 года, когда мы уже жили в учебное время в Козельце с Верой, а отец с остальной семьёй жили уже в Мостицах на опушке Галагановского леса, как-то совпали подряд три неучебных дня. Мы надумали пешком дойти до Мостищ, пробыть там один день и вернуться в срок к урокам в школе. До летних каникул оставалось ещё около месяца. Пройти пешком 20 вёрст (32 км) по не очень хорошо знакомой дороге, по которой лишь один раз пришлось проехать на лошади, казалось нам предприятием очень отважным, хотя мне было тогда уже десять лет, а брату — двенадцать. Но в то время было совершенно необычным отпускать детей нашего возраста в такой дальний путь одних. Но желание преодолело все препятствия — сестра разрешила. Взяли с собой немного провизии и рано утром, чуть взошло солнце, отправились через весь город. Выйдя на большой шлях, мы прошли около пяти вёрст до села Тополи, а затем свернули на просёлок. Над полями, зеленевшими от высокой ржи и густых всходов яровых, стояла прозрачная дымка утреннего тумана. Слышен был бой перепелов, непрерывно сверху неслись и падали далёкие и близкие звуки пения жаворонков. Поля и просторы казались необъятными. С дороги слетали посметухи и овсянки. Пройдя уверенным ходом часа два, мы подкрепились едой, немного отдохнули и двинулись дальше. По дороге и вблизи деревень леса не было видно, и только где-то совсем далеко через синеватый простор, на горизонте, заметны были силуэты темневших деревьев. Мы прошли ещё более часа; стала закрадываться тревога, не ошиблись ли мы дорогой. Но вот слева вдали засверкала гладь озера. Солнце уже поднялось и припекало. Мы через поле вдоль балки подошли к озеру, застывшему при безветрии. По берегу бегали, взлетали и издавали свои характерные крики «чайки» — так на Украине называли чибисов (*Vanelus cristata*). Среди засохших остатков прошлогоднего ситняка мы нашли несколько гнёзд с крупными коричневыми яйцами с чёрными пятнами. Взлетевший из-под самых ног куличок «песочник» пронёсся над самой водой и с красивым посвистом спустился на берег. Трудно было устоять от соблазна искупаться, и хотя мы горели желанием поскорее прийти к цели нашего путешествия, всё же пробахотались на этом озере, вероятно, не менее часа.

Только часа через два дошли мы до села Мостищи. Невысокая деревянная сельская церковь была для нас надёжным маяком и устранила всякие сомнения в правильности нашего пути. Обогнув село, мы вышли к лесу, а затем, к немалому изумлению и радости встретившей нас во дворе матери, попали домой. Мы чувствовали себя почти героями, осмотрели всё хозяйство, побывали на чердаке, где уже сидели в гнёздах на яйцах голубки. Одним словом, мы были наверно доступного смертным блаженства. На

листьях дубов, на высоких ветвях сидели квакушки (квакши) — маленькие ярко-зелёные лягушки — и оглашали воздух громким кваканьем. Через день к вечеру мы поехали обратно уже на лошади.

Событием, оставившим глубокий след в памяти, в следующем году было 1 марта 1881 г. Через несколько дней всех учеников повели в сопровождении учителей в собор. После панихиды и затем молебна на площади перед собором была проведена присяга новому царю. Слова присяги вместе со всем народом должны были повторять и школьники. Вскоре после этого события разнеслась взволновавшая всех учеников весть о том, что наш Никифор Иванович посажен в острог (городская тюрьма). Тогда, после убийства 1-го марта Александра II, со всех концов приходили вести об арестах. Никто не задавался вопросом, виноват ли, и в чём именно, попавший в беду. Менее всего такой вопрос мог бы возникнуть у учеников относительно Никифора Ивановича, которого все любили и уважали. Эта глубокая любовь и уважение к своему лучшему учителю выразилась в паломничестве учеников к острогу, которое постоянно обращало на себя внимание, пока там держали Никифора Ивановича. Оно повторялось, несмотря на все запреты. Некоторым ученикам удавалось через сторожей передать учителю булку, баранки и другую еду.

Как сейчас помню радость, когда в июне 1881 г. перед ссылкой мой учитель был выпущен из тюрьмы. Двое преподавателей и несколько учеников, в том числе и мы с братом, вместе с Лукьяновичем устроили прогулку на лодке по реке Остёр. Никифор Иванович был бодр, радостен, приветлив.

В том же июне мы с братом перешли из третьей группы в четвёртую, получив на экзаменах, как и в предыдущие годы, награду и похвальный лист. Но после каникул мы уже в Козелец не вернулись. По желанию отца с июня по август мы с Сергеем самостоятельно готовились к вступительным экзаменам в первый класс гимназии. Готовились по программе, полученной из Нежинской гимназии. В этой подготовке дело шло не о расширении понимания и познаний окружающей природы и жизни, не об усвоении полезных знаний, а о твёрдом заучивании правил правописания, употреблении буквы «ять», усвоении по Закону Божьему Ветхого и Нового Заветов, о грамматике и чистописании. Это заучивание и упражнения не захватывали и не были занимательными.

Отцу не легко было решиться отдать нас в гимназию. Материально это было для него просто непосильно. Высокая плата за право учения, расходы на обмундирование и обязательную гимназическую форму, дороговизна содержания в пансионатах (общих ученических квартирах). Сбережений у отца никаких не было. Средств едва хватало на жизнь своим хозяйством в деревне. Но годы шли, Сергею было уже 12 лет, мне — десять. Рассчитывать на поступление сразу в старшие классы было невозможно, т. к. тогда пришлось бы готовиться по латинскому, греческому и французскому языкам. И вот после долгого обдумывания и молчаливого переживания отец принял решение: мы должны, во что бы то ни стало, поступить в гимназию. С нами где-нибудь на окраине города в дешёвой квартирке должна будет жить и вести всё хозяйство без всякой прислуги мать, помогать ей будет сестра Соня, а старшая сестра Вера останется с отцом.

План этот был крайне труден для выполнения, но он был принят бесповоротно. Отец ездил в Нежин, привёз программы и руководство, и мы должны были со всей настойчивостью приняться за подготовку. И действительно мы каждый день по несколько часов занимались чистописанием, правописанием и другими предметами.

Это, однако, не мешало нам с Сергеем, а иногда и при участии старшего брата, ежедневно отправляться в лес то за ягодами, то за грибами, а то и просто в качестве искателей приключений и любителей природы. В период летних дождей, выйдя из дома до восхода солнца, мы к обеду возвращались с полными корзинами белых грибов, а собирать другие мы считали ниже своего достоинства. Иногда к нам присоединялись сёстры, и тогда шло соревнование. Кроме грибов, собирали землянику и попутно букеты цветов. Особая погоня была за лилиями (коричневыми с крапичкой «царскими кудрями»), лесными мечниками (шпажниками), медвежьим ухом (*digitalis*), синими ирисами и ярко синими горечавками...

Мы хорошо ознакомились с лесом, знали все его ближние участки, разделённые широкими прямыми просеками через каждую версту. Каждый участок составлял одну квадратную версту (100 десятин). На более высоких местах лес был преимущественно дубовый, а смешанный — дуб, берёза, осина, граб, черноклён, ольха — на более низких. Были кое-где болота, лес пересекала речонка Трубайло. Местами были густые заросли лесного орешника (лещины). Когда орехи созревали, мы собирали и их, заготавливали на зиму. Нередко с орешника падали и впивались в тело клещи. Впившегося клеща трудно вырвать, пока он не напьётся крови. Напившись, он становится похож на чёрную ягоду и тогда отваливается сам. Везде в лесу росли высокие, крупные папоротники. Их было много видов. В более низких местах были целые заросли чемерицы, валерианы, спиреи.

Лес обиловал представителями пернатого царства: тетеревами, куропатками. В болотных низинах водились дикие утки, кулики, цапли. В отдельных участках, куда нам было запрещено ходить, было много волчьих нор.

Как-то в середине лета мы с Сергеем были вдвоём в лесу. Как всегда, разумеется, с нами был наш неизменный спутник и друг, неутомимый Дизраэль. Так звали собаку, небольшую по росту, но исключительно умную, понятливую и во многих отношениях выдающуюся по природной одарённости. У нас была небольшая комнатная замечательной красоты собачка Жолька. В результате её случайной связи с совершенно ей неподходящей по росту легавой среди её щенков один, наиболее крупный, был оставлен для выкармливания его Жолькой. Это было в 1878 г., когда отец постоянно с возмущением бранил и ругал главу тогдашнего английского консервативного правительства, строившего козни против наших войск на Балканах, пославшего британский флот для военной демонстрации в поддержку Турции. И вот щенок был назван именем первого министра Англии — Дизраэль Биконсфильд, в обиходе же просто Дизраэль.

Во время описываемой прогулки мы углубились далеко в лес и стали рассматривать выходы из лисьей норы. Невдалеке от одного выхода оказался целый склад крыльев и голов с клювами тетеревов и куропаток. Я заметил, что Дизраэль замер в мёртвой стойке, устремив взор в одну точку.

Всмотревшись, я разглядел там притаившуюся, подползавшую к норе лису. По команде Дизраэль набросился на неё с дикой яростью. Мы поспешили ему на подмогу, Хотя лисица искусала ему морду, Дизраэль крепко прижал её зубами. Серёжа мгновенно снял свою куртку и накрыл ею лисицу. Пока я старался обхватить курткой лисицу снизу и завязать её вокруг рукавами, она успела просунуть морду и искусала мне во многих местах руку. Но всё же удалось завязать её так хорошо, что без дальнейших приключений мы принесли её домой. Закрыв хорошенько двери и окна, выпустили её из куртки, изрядно перепачканной к огорчению нашей, всё прощавшей нам, мамы.

Лисица была молодая, но уже довольно большая. Теперь мы могли её хорошенько рассмотреть, как ни старалась она спрятаться за шкаф или под кровать. Поймать живую лисицу — это была сенсация! Заперев тщательно дверь, все мы вышли в соседнюю комнату обедать. Когда через полчаса вернулись, то увидели валявшуюся на полу загрызенную лисицей породистую дорогую голубку, которая сидела на яйцах в гнезде, устроенном в ящике с высокими стенками. Ящик стоял под кроватью. Дело было непоправимое. Пропала и голубка, и насиженные яйца! Но что же делать с лисицей? Старшие решили: «Убрать прочь немедленно, т. к. от её мочи в комнате распространяется зловоние». Брат не мог простить лисице гибель своей голубки и не поддерживал меня в желании оставить рыжую, чтобы её приручить. И всё же я спас лисицу, когда она уже была поймана и посажена в мешок. Я унёс её в небольшое чердачное помещение, где стоял лишь небольшой столик и стул, и где окно было очень высоко от пола. Я обычно занимался в этом уединённом закутке, готовясь к гимназическому экзамену.

Сначала лисица очень дичилась. Голод, однако, заставил её дня через два-три брать мясо и пить молоко у меня из рук: других возможностей к пропитанию у неё не оставалось. Уже через неделю лисица вскакивала ко мне на руки, как только я приходил заниматься, и усаживалась на колени. Только в этом положении она получала свою пищу, которую мне не так то легко было обеспечивать при быстро нараставшем аппетите моей пленницы. Недели через две она была уже совсем ручная, назойливо требовала пищи, но всё же не позволяла себя гладить и больно кусалась при попытках её приласкать. Поев, она преспокойно сворачивалась клубком и лежала у меня на коленях, пока я занимался и не беспокоил её. На руках, в местах её укусов, делались болезненные пузыри, которые не сразу заживали.

Казалось, что лисица стала совсем ручной. Одно только оставалось у неё неизменным — постоянное стремление на волю. Она пыталась проскользнуть через дверь, когда там оставалась какая-нибудь щёлка, пыталась взобраться к окну, но оно было очень высоко над полом. На рассвете она громко кричала. Не выла, а издавала звуки, похожие на лай собаки. Иногда в ответ из леса доносился в предрассветной, утренней тишине такой же лисий лай.

Как-то на исходе третьей недели я в обычное время пришёл заниматься: стекло в окне было разбито и лисицы в комнате не оказалось. Она убежала, каким-то образом добравшись до окна, спрыгнула с крыши и, незамеченная собаками, ушла в лес. У нас говорили, что её сманила старая лисица.

Другое приключение, случившееся с нами в то лето, надолго осталось в памяти, хотя и закончилось вполне благополучно. Уже наступил август.

Считанные дни оставались до нашего отъезда в Нежин. После обильных дождей в лесу появилось много белых грибов. Как-то в воскресный день на рассвете Серёжа и я собрались за грибами. С нами отправился и старший брат Яков. Он интересовался, не начались ли уже утренние перелёты молодых уток, и потому мы пошли не по обычной лесной дороге, а взяли направление к болотистым низинам, где были небольшие озёра, а дальше протекал ручей Трубайло. Над болотами белой пеленой стлался туман. Мы вошли в прохладную сырую полосу тумана и подошли поближе к воде. В нескольких местах тяжело сорвались и понеслись над водой большие кряквы. Яков был очень раздосадован, что не взял с собой ружьё. Он готов был вернуться домой за ним и за собакой. Но мы ушли уже далеко от дома. Солнце поднялось и стало разгонять туман. Нашей целью были грибы. Перейдя через ручей, мы всё более и более углублялись в лес. Нашли грибные места, увлеклись грибной удачей. Время ускользало, не доходя до нашего сознания, не задевая внимания. Лес становился всё гуще. Несколько крупных нор вызвали у нас горячую дискуссию, чьи они — лисьи или волчьи. Мы съели захваченный с собой хлеб. Грибов было набрано достаточно, нужно было к обеду вернуться домой. Было ясно, что мы уже сильно опаздываем. Соображая, как найти путь покороче, мы взяли другое направление. Встретили болото и довольно долго его обходили. Вот выбрались на высокие места со стройными дубами и грабами. Места нам незнакомые. Пошли, чтобы пересечь какую-нибудь просеку и найти столб с указанием номера участка.

Так шли мы довольно долго, а просеки так и не встретили. Несколько раз меняли направление. И, наконец, пришли к заключению, что заблудились, зашли куда-то очень далеко. Отдохнув несколько, начали искать либо лесную сторожку, либо кого-нибудь из людей. Полная неудача! А тут кругом такие интересные, новые для нас места. Время клонилось уже к вечеру. Давала себя чувствовать изрядная охота покушать. После ряда тщетных попыток выйти на просеку или найти дорогу пришлось примириться с несёлым выводом о необходимости устраиваться на ночлег. Так как место незнакомое, а вокруг ещё и волчьи норы, и опасение, что при такой усталости мы заснём не чутким, а крепким сном, мы решили устроиться на ночлег не на земле, а на ветках дерева. Быстро наломали множество веток лещины. На дерево взобрался большой мастер этого дела Яков. Выбрав крупные сучья, он пригнул их друг к другу и крепко связал скрученными ветками лещины. Наложив на эту основу слой поданных нами веток, он изготовил удобное ложе. Нужно было думать, как облегчить подъём на это ложе для меня, т. к. я не умел лазать по деревьям. Но в это время в лесу послышались шаги и человеческий голос. Мы бросились навстречу. Пробиравшийся по лесной тропинке человек с большим изумлением и весёлым смехом услышал о нашем намерении заночевать в лесу. Он вывел нас на дорогу, по которой можно было выйти из леса и вёрст пять шагать до Мостищ.

Уже темнело, когда, наконец, мы, счастливые и голодные, пришли домой. Домашние уже были в большой тревоге за нас. Успокаивало лишь то, что с нами был старший брат.

С жизнью в Мостищах связано у меня воспоминание о священнике местного прихода старике отце Антонии. Он годами не был очень стар, дети

его были не старше нас, но выглядел совсем стариком. Он очень располагал к себе своею простотой. Говорил тихим ласковым голосом. Мне он казался человеком добрым и умудрённым жизнью. Когда заканчивались летние и осенние работы в огороде, на сенокосе и в поле, отец Антоний Нещерет очень часто бывал у нас, брал газеты и сельскохозяйственные книги у отца, любил потолковать о всяких газетных слухах. Но больше всего любил он поиграть в карты, если оказывались компаньоны, Это очень роняло его в моих глазах, так же как и то, что за ужином отец Антоний не отказывался от наливки. Но в нём мне нравилось полное отсутствие показного благочестия и ханжества, его свободные высказывания насчёт соблюдения постов и его доброе отношение к крестьянам и их нуждам. В нём не было лицемерия, столь свойственного людям его профессии, которые, как известно, обычно “trinken heimlich Wein, und predigen öffentlich Wasser”¹. Он жил, идя в ногу с передовыми течениями времени.

Спустя год-два после нашей жизни в Мостищах, когда мы проводили лето в Борках, я имел возможность близко наблюдать другого сельского священника — отца Ивана Пригоровского. Он тоже любил играть в карты и был особенно пристрастен к угощению хмельными напитками. Сельскохозяйственными работами он не увлекался, но, невзирая на свой священнический сан, любил охотиться. Приносил с собой под подрысником ружьё и, переодевшись у нас, отправлялся на охоту вместе с моими братьями. В нём не было и следа той умудрённости, простоты и доброты к людям, которые были так привлекательны в отце Нещерете, а выступали черты расчётливого карьеризма, грубого своекорыстия и лицемерного, показного благочестия.

Я помню замечательно милую матушку — жену отца Ивана, погружённую в заботы о своих многочисленных детях и очень много терпевшую от грубого, требовательного мужа, не умевшего делить заботы и труды со своей женой. В годы семинарской жизни — в семидесятые годы — он был, как будто, даже захвачен нередкими в те времена отзвуками свободомыслия и народолюбия. Но очень скоро после получения прихода у него, по существу, выветрился весь налёт семинарского свободомыслия и свободолюбия (кроме любви к выпивке и охоте), а распустились задатки и стремления к доходному приходу и карьере.

Учёба в Нежинской гимназии (1881–1889)

Когда от немногих ученических годов в Козелецком училище, ярко окрашенных незабываемыми впечатлениями от общения с Никифором Ивановичем Лукьяновичем, я пытаюсь перейти к гимназическим годам в Нежине, для меня является полной неожиданностью отсутствие в моей памяти отчётливых воспоминаний о последовательных этапах жизни при прохождении гимназического курса из класса в класс. Совершенно выпали из памяти первые дни учебы в гимназии. Не могу вспомнить, как проходили приём-

¹ Пей украдкой вино, а гласно проповедай воду (с нем.)